

ГЛАВА 1

Протиснувшись сквозь ряды зрителей и взбежав по ступеням, ведущим к гримеркам артистов, Гуров нос к носу столкнулся со Станиславом Крячко.

— Опаздываешь? — расплылся в довольной улыбке Станислав, демонстрируя шикарный букет. — Я уж думал, что ты вообще не приедешь.

— Спасибо, Стас. — Гуров стиснул руку друга. — Выручил! Такси отсюда...

— И ты считаешь, что я приехал в Одинцово только из-за того, чтобы отвезти вас с Машей домой? — Крячко мастерски изобразил мавра, нависшего над постелью Дездемоны. — О, несчастный, как ты мог заподозрить старого друга в бездушии, какая утилитарность. Ты считаешь, что ради ее концерта в Одинцове я не мог покинуть Москву и проехать эту сотню километров? Считаешь, что я не в состоянии оценить...

— От МКАД сюда всего пять километров, — раздался за спиной Крячко женский

голос. — И почему дама должна ждать цветов от двух полковников так долго?

Станислав резко обернулся, тут же подобрался, одернул костюм, щелкнул каблуками и мастерски боднул головой воздух в полупоклоне. Жена Гурова Мария Строева стояла в дверях гримерки в вечернем платье и укоризненно смотрела на мужчин.

— Машенька, — заверил он, — это было волшебно! Припадаю к твоей руке в экстазе страстного поклонника, ценителя и воздыхателя.

Лев, наблюдавший, как развлекается старый друг, дождался, когда Станислав оторвется от руки Марии, и подошел к ней с цветами.

— Молодец, Машенька, — шепнул он, целуя жену в щеку. — Сегодня ты себя превзошла.

— Хитришь, Гуров, — погрозила пальчиком Мария. — Наверняка приехал к самому окончанию концерта.

— Подтверждаю! — вмешался Крячко. — К окончанию приехал, увы, я. А Лев Иванович, как и положено благоверному, сидел в зале на приставном стульчике и ронял скупую мужскую слезу на не менее скупой букетик. Мой гораздо пышнее, но это ис-

ключительно с целью реабилитации за мое опоздание.

— Ох, неугомонный! — засмеялась Мария, прижимая к груди оба букета. — Ладно, полковники, я скоро. Только переоденусь...

Машина неслась по Можайскому шоссе, Крячко, по обыкновению, балагурил, развлекая пассажиров новыми анекдотами и байками из жизни сыщиков. Гуров с Машей сидели на заднем сиденье и вполуха слушали Станислава. Маша даже задремала, устало положив голову на плечо мужа.

Когда они въехали на Кутузовский, скорость движения сразу упала. Машины перестраивались с крайней правой полосы в левый ряд, Крячко ворчал что-то себе под нос про уродов, которые не умеют ездить, и что московские проспекты поздним вечером и ночью превращаются в трассы гонок сопливых «мажоров», на которых нет управы.

Гуров вытянул шею, сразу обратив внимание, что впереди у обочины стоят полицейские машины. Точно, кроме двух машин ДПС там виднелся и микроавтобус оперативно-следственной группы из ГУВД. Нет, решил он, это не ДТП. А когда они проезжали мимо, стало видно, что большую площадь этой части сквера, захватывающую обочину дороги, высокие кусты и аллею, окаймляет

цветная лента ограждения. А за кустами, кажется, лежит человеческое тело.

Крячко мельком глянул в зеркало на Гурова и Марию и воздержался от комментариев. Лев прислушался к ровному дыханию жены и порадовался, что она вовремя задремала и не видит всего этого, незачем портить впечатлительной актрисе настроение после такого замечательного концерта. У нее столько положительных эмоций, а тут... Пусть уж это остается «настоящим полковникам». Это они умеют после общения с грязным, мрачным и злобным миром преступников приехать на концерт известной московской театральной актрисы и балагурить, дарить цветы и улыбаться солнечными улыбками.

Крячко снова посмотрел в зеркало, поймал взгляд Гурова и вопросительно вскинул брови. Гуров еле заметно качнул головой и сделал жест рукой вперед — мол, нечего останавливаться, кому положено — работают, а если будет необходимость, завтра они узнают подробности. Сегодня вечер принадлежит только Маше, с ее миром искусства, прекрасных чувств и порывов человеческой души.

Офицеры входили в кабинет генерала Орлова и рассаживались на свои места вдоль длинного стола для совещаний. Сам гене-

рал расхаживал по кабинету с телефонной трубкой возле уха и делал кому-то серьезное внушение по службе. Увидев входящих Гурова и Крячко, он бросил в трубку короткое «подожди» и протянул руку для пожатия.

— Извините, ребята, так я и не вырвался на концерт. Маша не обиделась?

— Да ладно, — тут же ответил Крячко. — Мы все объяснили и привет с пожеланиями от тебя передали. Она все понимает. К тому же невероятно рада, что муж у нее всего лишь полковник. Стань он генералом, и все — видеть она его будет раз в неделю, когда он забежит поменять рубашку!

— Хотел бы — давно бы стал, — усмехнулся Орлов, похлопал Гурова по плечу и снова взялся за свой мобильник.

Это была старая история. За последние десять или даже больше лет Гурову несколько раз предлагали повышение, в том числе и на генеральские должности, но он каждый раз отказывался под разными предложениями. Однажды даже совсем ушел из органов и занялся частным сыском. Но потом снова вернулся, категорически отказываясь руководить отделами, управлениями и... другими важными подразделениями.

Понимаете, объяснял он своим старым друзьям Орлову и Крячко, я — сыщик, и я

не хочу заниматься ничем другим. А став начальником, перестану быть сыщиком. Стану администратором, чиновником, хозяйственником, погрязну в бумагах, которые к оперативному розыску имеют весьма отдаленное отношение. Не мое это! И я не хочу отвечать за работу большого количества людей, мне интереснее работать самому и отвечать за свою работу.

Планерка в Главке уголовного розыска МВД шла своим чередом. Отчеты, планы работы, личные и отделов. Отчеты по делам, находящимся на контроле в Главке. Планы командировок, методические вопросы, подготовка к коллегии министерства, сводка за последние сутки по особо тяжким по крупным городам и регионам, отдельно по Москве. В Екатеринбурге участились преступления, в которые вовлечена «золотая молодежь». Пьяные, обкуренные, а иногда и обколотые дети «больших родителей» носятся по улицам на дорогих машинах, и снова ДТП, сбитые пешеходы. В Забайкалье ограбление инкассаторов. В Москве найдено тело известного бизнесмена Курвихина со следами насильственной смерти. Предварительная версия — ограбление...

— Где? — перебил генерала Лев. — На Кутузовском?

— Да, — ответил Орлов и очень внимательно посмотрел на него: — А что, собственно...

— Вчера вечером мы как раз проезжали мимо и видели там группу из ГУВД. А личность-то известная.

— Точно, — вставил Крячко. — Я помню пару скандалов за последние года три, когда фамилия Курвихина мусолилась в связи с подкупом столичных чиновников. Только, кажется, ничего не доказали.

— Дела проходили по линии Следственного управления и прокуратуры, — ответил Орлов. — А еще вы забыли о скандале с распилом федеральных денег, выделенных по программе строительства мусороперерабатывающих заводов вокруг Москвы. Но Курвихин опять каким-то образом увернулся. Молодцы, ребята, что вспомнили прошлые дела этого деятеля. Думаю, что это преступление потянет за собой много интересных ниточек.

— Берем на контроль? — спросил Гуров.

— Я полагаю, что лучше непосредственно поработать вместе с оперативниками МУРа, — предложил Орлов. — Займитесь вы с Крячко.

— Хорошо, будем представителями Главка, — согласился Лев. — Кураторами.

Крячко с оперативниками МУРа Гуров отправил на место преступления, чтобы они еще раз обследовали часть сквера, где было найдено тело Курвихина, а заодно попытались найти свидетелей. Ведь бывают же люди, которые любят вечерами пробежаться по пустынным аллеям или выгуливают там свою собаку. А могут быть и те, кто в это время суток изо дня в день проходит именно этой дорогой домой, или на работу, или по другим делам. Кропотливое, трудоемкое и неблагодарное занятие. Неблагодарное потому, что часто не дает результата. Но делать эту работу надо, потому что один найденный свидетель может повернуть розыск совершенно в ином направлении. Очень легко соблазн махнуть рукой, полагая, что и так все ясно, что все равно никого и ничего не найдешь. И тут старый друг и неизменный напарник Станислав Крячко просто незаменим. Он умеет делать эту работу, умеет ее грамотно организовать и, главное, не дать оперативникам расслабиться.

— Здесь? — указал Гуров на несколько выстроенных в ряд элитных домов.

— Здесь. Вон в том доме, — кивнул майор Шалов, старший оперуполномоченный МУРа, который занимался делом Курвихина.

— Как они вели себя утром при опознании?

— Хорошо держались. Дочь, чувствуется, деваха с характером. Губы скривит, вся, как камень, а глаза сухие.

— Реакция на стресс бывает без слез даже у плаксивых людей, — возразил Гуров.

— Согласен, — кивнул Шалов, сворачивая к нужному дому. — А вот супруга меня поразила. Сами посмотрите на нее. Понимаете, Лев Иванович, я все время никак не мог избавиться от ощущения, что она смотрит на тело мужа, как на закономерный результат чего-то. Такие у нее усталые глаза, такое смирение с произошедшим, будто она все время чего-то подобного и ждала.

Гуров, прежде чем встречаться с близкими погибшего Курвихина, первым делом ознакомился с протоколами опознания тела родственниками и протоколами допроса следователем. Но такова работа сыщика: все нужно увидеть своими глазами, услышать своими ушами, составить свое собственное впечатление, даже если ты и работаешь по этому делу по заданию следователя. Он главный, он ведет расследование, а оперуполномоченный помогает ему при следственных мероприятиях, используя свои оперативные возможности и инструменты. Гуров был сво-

боден от заданий следователя, что давало ему большие возможности работать самостоятельно, на свое усмотрение.

Шалов протянул руку к звонку возле входной двери, но, увидев, что она приоткрыта, толкнул ее, и они с Гуровым оказались в большой и очень уютной прихожей с полами из темного ламината и несколькими массивными настенными светильниками. Светильники были выполнены в стиле примерно XVIII века и выглядели почти бронзовыми.

— Здравствуйте! — Шалов прошел к арке, ведущей в гостиную, где появилась высокая женщина, зябко кутавшаяся в большую шаль. — Это я звонил вам снизу. А это — полковник Гуров, Лев Иванович. Алла Васильевна, мы хотели с вами поговорить.

— Я понимаю, — бесцветным голосом ответила женщина и посторонилась, приглашая гостей войти.

Жена Курвихина смотрела на полицейских, но, кажется, не видела их. Тем не менее Гуров решил пока не приглядываться к ней пристально, чтобы не напугать, не насторожить или вселить в нее неподходящие мысли. Он по опыту знал, что женщины в таком вот состоянии очень мнительны. И одно неосторожное слово или взгляд могут лишить тебя ее доверия, а то и просто настроить вра-

ждебно. Неадекватность поведения и психологии женщины в минуты горя можно сравнить лишь с неадекватностью беременной. И там, и здесь организм и психика находятся в состоянии жесточайшего стресса.

Гостиная была большая. Слева дверь, ведущая в кухню, большой плоский аквариум, потом еще одна дверь, наверное, в спальню. Справа пол поднимался пандусом и уходил к окнам во всю стену, за которыми виднелась огромная лоджия. Темная отделка стен и бесшовный натяжной потолок создавали какое-то давящее ощущение. Или это просто казалось так из-за Курвихиной?

— Проходите. — Женщина показала рукой на большой диван, стоявший у окна, медленно подошла и уселась в кресло напротив.

А ведь она еще молодая, подумал Гуров, лет сорок, наверное. Ноги красивые, фигурка приличная, не располневшая в талии. Шея точеная, и волосы совсем... впрочем, волосы можно и покрасить. А вот лицо у Аллы Васильевны старое. Серое, скорбные морщины вдоль рта и у глаз и взгляд потухший. Вот она повернула голову к окну и уставилась на крыши соседних домов. О чем думает? Если включить воображение, то, скорее всего, о полете. Разбежалась бы и полетела... Да, тут и до суицида недалеко. ■